

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку –
каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе.
Щит и латы, посох и заплаты,
меру окончательной расплаты
каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже – как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

Ю.Д. Левитанский

Всегда странно и боязно рассказывать о человеке, чью улыбку новые поколения будут видеть только на фотографиях. Страшно перед теми, кто знал его лучше, ближе, дольше...

Пишу о человеке, учителе, одним из учеников которого был и я.

Возможно, общался с Игорем Константиновичем я немного больше своих сокурсников, но больше, чем об учителе, о нем почти не знал. Не знал и о том, что он был моим земляком.

В трудовой автобиографии Игорь Константинович пишет: «...родился в г. Свердловске 9 января 1935 г., где и прожил с семьей до 1937 г.» На лекциях же он говорил о том, что родился в Польше и, прерывая разговор, многое рассказывал о полевой работе, о разнообразных историях. Студентам ничего не оставалось, как раскрыть рот, и, не отводя глаз, слушать эмоциональное повествование. Эти отступления были сродни балладам или приключенческим повестям – с погонями, снежными лавинами, перестрелками, беглыми заключенными. И все – вокруг основной темы: выполнения нивелировок между рядами колючей проволоки, измерения расходов под грохот громящихся на берега льдин, разбивок палаточных лагерей в селеопасных долинах... Мы слушали, затаив дыхание, замороженные красотой сюжетов, романтикой таежной жизни. Никто не задумывался о правдоподобии деталей (а любой красивый рассказ, как известно, нуждается в шлифовке фактов); нам было интересно, картины рисовались живо. Он – умел заинтересовать, а значит, выполнить львиную часть своей, учительской работы.

– Машка, мать твою! Хватит безумствовать! Это твой хлеб! – прерывался рассказ Игоря Константиновича, когда он замечал, что студентка Машка накладывает на лицо «штукатурку», вместо прослушивания рассказа. Потом следовали шутки (вроде, «У кого в голове ветер – вставлю флюгер»), и лекция текла дальше среди картин таежной гидрологии.

Общение со студентами у Игоря Константиновича строилось и сложно, и просто, как мне кажется. С одной стороны – он свой, «рубаха-парень», старший товарищ, час назад вышедший с палубы с эхолотом в руках, раскуривший с «пацанами-гидрологами» сигарету у крыльца. С другой стороны – часто бывали и обидные шутки. А с третьей – Игорь Константинович в чем-то был даже не «свой парень», а очень закрытый человек (хотя – могу ли судить). Но никогда не было злобы и несправедливости. Студентов он любил «до потери пульса».

«В 1937 г. мы переехали в г. Молотов, в котором я с 1943 по 1953 гг. учился и закончил полную среднюю школу №9 им. А.С. Пушкина... поступил в этом же году в Пермский (тогда Молотовский) государственный университет им. А.М. Горького на географический факультет по специальности гидрология суши. В 1955 г. в связи с изменением плана специальность... была ликвидирована, и я в 1958 г. закончил... по специальности учитель физической географии средней школы... Отец был убит в бою за один из населенных пунктов Восточной Пруссии в апреле 1945 г.» – пишет Игорь Константинович в автобиографии.

Для студентов моего времени он был фигурой загадочной, легендарной. К нему привыкали с первых дней знакомства, а после «Предуралья» казалось, что знакомы уже сто лет. Возможно,

География и географы

это не так, но казалось, что весь учебный год Игорь Константинович на работе жил ожиданием летней практики, готовил к ней студентов и готовился сам. Кучи ежедневно пребывающих коробок с эпоксидной смолой, веревок, банок с краской на подоконнике, под столом, «в складе» старой кафедры в пятом корпусе превращали помещение в нечто среднее между кафедрой, библиотекой и столярной мастерской. А Игорь Константинович выглядел мастером (одновременно плотником, столяром, жестянщиком и еще бог знает кем), одевая брезентовый фартук и начиная что-то мастерить. Так он подавал студентам пример, студенты втягивались в это мастерство, опережая преподавателя в дальнейшем. Занятие Игоря Константиновича – резьба по дереву. Фотографии вырезанных им фигурок, деревянные статуэтки он часто приносил на лекции, а Нептун и Русалка украшают кафедру и сейчас. Но вот за процессом резьбы при нас, студентах, он сидел крайне редко... Необычайная скрупулезность в обычных столярно-плотницких делах, внимание и уважение к делу всегда действуют завораживающе: «Ну-ка, сам попробуй!».

Согласно автобиографии, окончив университет, Игорь Константинович поступил работать в гидрографическую партию Камской ГМО (ныне – ГУ «Пермский ЦГМС»). Делая выписки из отчетов по гидрографическим исследованиям рек, в архиве Уральского управления по гидрометеорологии можно встретить надпись в конце гидрографических описаний: «исполнитель работ – И.К. Мацкевич». Проработав в обсерватории три года, Игорь Константинович уходит по собственному желанию с 21 апреля 1961 г. (в год рождения сына) на должность младшего научного сотрудника Лаборатории водохозяйственных проблем ЕНИ. Поступает на работу в Пермский государственный университет с 1 сентября 1964 г. – уже навсегда. Первые годы он работает на кафедре метеорологии, а с 1969 г. – на кафедре гидрологии.

В первые годы работы он начал ездить в «Предуралье» для руководства учебной практикой по гидрометрии. На выгоревшей бревенчатой стене гидрологического склада сохранилась вырезанная ножом надпись «Гидролог – 1973».

На базе практики «Предуралье», возле водокачки, стоит бревенчатый дом без окон, с высоким крыльцом под навесом и низкой дверкой. Сумерки в Предуралье наступают как-то незаметно. Эта дверка была открыта, изнутри выливался желтый свет лампы, а на пороге сидел Игорь Константинович, покуривая неизменную «Приму». Вокруг стоит группа студентов, занятая коллективной разборкой вертушки, чисткой, смазкой и бесконечной поверкой на выбег.

– Женька, что ты ее мучаешь! Собирай давай! – прикрикивает он на студентку. – Я тебе пощурюсь! На вон груз! На муфту его, на муфту. Ну куда ты ее мотаешь! Подуй сначала! Вот так. Видишь, умеешь же, если соберешься. Молодец. А теперь отпускаяй. Хоп!

После этого ребята моют руки, собираются у крыльца и пьют чай.

И вновь слушают рассказ (не монотонный, а импульсивный рассказ, с едкими фразами, с яркой мимикой):

– Решили мы как-то с пацанами еще до завтрака расход взять, – начинает Игорь Константинович. – С вечера собрались. А тогда ректором Живописцев был. Ну, в пять встали, амуницию напялили и пошли. К завтраку закончили, поели и пацаны как сидели на кроватях во всей робе, в болотниках – так и заснули... И тут, блин, Живописцев едет на дачу. В окно глянул – мать моя! Тарелки грязные на столе, стаканы на подоконнике, и студенты в сапогах лежат. Ну точно – пьяные!

А он кричит: «Кто такие?!» – «Ну, гидрологи...» – «Фамилии?!»

– Ну а они, – черт его знает, кто такой приехал, – сказали фамилии и дальше спать легли... Живописцев тут же всех к отчислению представляет. А мы не пили!!! Вот тогда я к нему и пошел все объяснять. Вроде замаяли все, но он так и не поверил.

Склад, поставленный Игорем Константиновичем совместно с друзьями и студентами, изнутри напоминает мастерскую прошлого. Похоже, там есть все – «от иголки до атомной бомбы». На забитых в бревенчатую стену гвоздях висят самые разные замки – на каждом гвозде по два-три замка. Потолок выложен из разномастных нивелирных реек, на которых громоздятся штативы, вехи, весла. На полочках – неровными рядами в прорезях стоят разных форм и цветов отвертки, плоскогубцы, рубанки, стамески. На верстаках – тиски, струбины, разных форм и цветов бутылки с ацетоном, керосином, бензином, лаком, морилкой... Ниже на полках – пустые и полные банки с краской, с новыми и старыми кистями. Под столиком, устроенным из старого холодильника, – самая разная посуда. Рядом – ящики с топорами, молотками, напильниками. Выше – двуручные пилы, ножовки... За дверью два десятка лопат, литовка, лом, кувалда. Вся эта

География и географы

база создавалась Игорем Константиновичем для безотказной работы с ребятами в удаленной от городов деревне. «Свое должно быть», – говорил он.

Приемы работы с ребятами у Игоря Константиновича были разнообразны: «лопатой» (воспитание трудом), вниманием и отзывчивостью, непримиримостью к некачественным и, тем более, фальшивым результатам; покриками; шутками и улыбками... Трудно сказать, боялись ли мы его гневных окриков, его строгости. Зато точно любили его рассказы и шутки, радовались похвале и ждали ее. Боялись нарекания за неправильно взятый топор, неправильно зачищенную веху, и, опять, радовались похвале. Просто мы к нему очень привязывались. Наверное, потому, что он привязывался к нам.

Выписка из характеристики на ст. преподавателя кафедры гидрологии суши Мацкевича Игоря Константиновича (1979 г.): «И.К. Мацкевич хороший воспитатель – наставник молодежи, много, активно и интересно работающий со студенческой группой, прививающий интерес к избранной специальности, чувство патриотизма и любви к своей Родине... И.К. Мацкевич политически грамотен, морально устойчив. Характеристика дана для участия в конкурсе на должность доцента кафедры гидрологии суши».

Выписка из личного листка по учету кадров (1976 г.): «Партийность – нет. Пребывание за границей – не был».

21 декабря 1973 г. присуждена ученая степень кандидата географических наук.

16 июля 1980 г. присвоено ученое звание доцента по кафедре гидрологии суши.

19 мая 2009 г. награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

О научных исследованиях писать не могу. С ними знаком только по изданным учебным пособиям и некоторым статьям, посвященным исследованиям Камских водохранилищ. *Последняя собственноручная запись о количестве печатных работ – «около 70».*

С 2006 г. (последнего года руководства практикой в «Предуралье» Игорем Константиновичем и первого года моего руководства) мы разминулись. Осталась записка в форме шуточного наставления по работе с ребятами. Вот последняя строчка из нее:

«За сим остаемся любящие вас Мацкевич Игорешка, сын Казимежа из Варшавы».

Д.Е. Клименко